

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.24>

Гилязова Ольга Сергеевна, Замощанская Анна Николаевна

Концепция смерти в философии В. Янкелевича

Статья посвящена изучению идей известного французского философа В. Янкелевича относительно смерти, изложенных им в его одноименной монографии. В рамках данной работы предпочтительное внимание уделяется двум этапам смерти - в "момент наступления смерти" и "по ту сторону смерти". Рассматриваются проблемы соотношения жизни и смерти, страха смерти, подготовки к ней, возможности бессмертия. Демонстрируется взвешенность позиции В. Янкелевича, отказывающегося от однозначного ответа в пользу полного небытия (научный подход) или бессмертия (религиозный подход) и оставляющего вопрос о тайне смерти принципиально открытым.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/2/24.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 2. С. 137-141. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Role of High Culture Values in the Process of Global Community Formation

Buzhor Evgeniya Sergeevna, Ph. D. in Philosophy
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
viesbujor@yandex

The paper examines the normative-humanistic approach to the problem of globalization. Such an approach is based on philosophical and artistic conceptions of the XIX century. The author shows that from this viewpoint, globalization is a process of the global human community formation by synthesis of national high cultures. Dostoevsky's conception of pan-humanity, Goethe's conception of the world literature epoch, Roerich's conception of the global culture epoch are considered. It is shown that in the Age of pluralism and conflict of values, an individual's value choice should be guided by ethical principles of great people, who realized ideals of pan-humanity in their life and creative work.

Key words and phrases: F. M. Dostoevsky; A. S. Pushkin; J. W. Goethe; N. K. Roerich; globalization; pan-humanity; epoch of world literature; global culture; culture and civilization; values.

УДК 128+129

Дата поступления рукописи: 14.12.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.24>

Статья посвящена изучению идей известного французского философа В. Янкелевича относительно смерти, изложенных им в его одноименной монографии. В рамках данной работы предпочтительное внимание уделяется двум этапам смерти – в «момент наступления смерти» и «по ту сторону смерти». Рассматриваются проблемы соотношения жизни и смерти, страха смерти, подготовки к ней, возможности бессмертия. Демонстрируется взвешенность позиции В. Янкелевича, отказывающегося от однозначного ответа в пользу полного небытия (научный подход) или бессмертия (религиозный подход) и оставляющего вопрос о тайне смерти принципиально открытым.

Ключевые слова и фразы: В. Янкелевич; смерть; время; страх смерти; бессмертие; трансгуманизм; загробный мир.

Гилязова Ольга Сергеевна, к. филос. н.

Замощанская Анна Николаевна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург
Olga_gilyazova@mail.ru; ankolobaeva1@gmail.com

Концепция смерти в философии В. Янкелевича

Введение

Актуальность нашей статьи, посвященной рассмотрению концепции смерти Янкелевича, обусловлена самой ее тематикой: смерть, вопреки чаяниям иммертологов, в обозримом будущем явно не утратит свой непререкаемый и неизбежный характер для живых существ. А человечество, несмотря на прогресс медицины (а, может быть, и благодаря ему) и проекты трансгуманизма, еще долго будет иметь своей судьбой неизбывное осознание своей конечности. Все это выводит нас к необходимости рассмотрения в данной статье таких проблем, как страх смерти, подготовка к ней, возможность бессмертия и его виды.

Цель: проанализировать концепцию смерти Янкелевича, сконцентрировавшись в данной статье на специфике смерти «в момент наступления смерти» и «по ту сторону смерти». Для достижения данной цели предполагается решить следующие **задачи:** рассмотреть выделенные им точки зрения на соотношение жизни и смерти; продемонстрировать, как размышление о смерти тесно увязывается Янкелевичем с понятиями времени, «хапакса», т.е. уникальности любой личности, а также – сознания, любви, свободы и т.п.; обрисовать достоинства и ограничения его концепции смерти. Учитывая недостаточную известность трудов данного мыслителя в России (хотя многие из его работ оказали существенное влияние на философскую мысль Европы XX в.), **научная новизна** нашего исследования становится очевидной.

Смерть в момент наступления смерти. Время и смерть

Рассматривая, подобно М. Хайдеггеру, проблематику смерти через призму времени, В. Янкелевич, в отличие от М. Хайдеггера, не замыкает эти две темы – темпоральности и смертности человеческого существования – на самости. Наоборот, он подчеркивает, что именно выход к Другому становится условием не просто абстрактного, готового знания о смерти, а глубоко прочувствованного пронзительного ее осознания. Философия второго лица, опыт смерти близкого человека актуализирует проблему смерти как «Смерти в момент ее наступления».

Разрабатывая категориальный аппарат тематики смерти, французский философ приходит к выводу, что смерть не подлежит ни хронологии, ни топографии, ни вообще каким-либо категориям. Парадоксальность момента смерти не позволяет дать ему количественное или качественное определение. Если любое мгновение становления является, благодаря необратимому характеру времени, первым и последним в относительном

(модальном) смысле, то только мгновение смерти является таковым в абсолютном (субстанциональном) смысле. В этом его уникальность. Такое представление идет в разрез с позицией А. Бергсона, полагающего, что становление – это непрерывная длительность бытия, полнота и насыщенность которой не предусматривает зияния небытия.

Смерть, по Янкелевичу, – это водораздел между временем и вневременностью. Смерть – это не стык, не мост, перекинутый между двумя мирами, разделяющий и соединяющий их. «Нет! Смерть есть неделимое расщепление До и После, внутреннее разделение витальной Полноты и летальной Пустоты» [15, с. 256].

Но что тогда является мгновением смерти? Это не средняя фаза и не среднее звено, не «медиатор» в логическом или онтологическом значении этого слова. Это не вещь, не интервал, хотя может, по мысли Янкелевича, рассматриваться как бесконечно малый интервал. Чтобы хоть как-то поймать и выразить эту неуловимость смертного мгновения, мгновения «*между ничем* потустороннего мира и *всем* земного» [Там же], Янкелевич вводит термин «почти-ничто» (*presque-rien*), который прочно закрепился в его философском лексиконе. Его значение подробно объясняется в его книге “*Le je-ne-sais-quoi et le presque-rien*” [16] и трактуется как нечто едва различимое, бесконечно-малое, но метафизически неисчерпаемое.

Страх смерти

Янкелевич отрицает какую-либо возможность подготовиться к последнему мгновению. Упражнения, апробированные еще со времен стоиков, оказываются наивными. Вот «причина, делающая смехотворной любую проповедь: умирают только однажды» [15, с. 260]. Вслед за С. Кьеркегором и М. Хайдеггером (влияние которого на В. Янкелевича несомненно, хотя он и не упоминается) В. Янкелевич указывает на важность встречи со смертью. «Если я впускаю смерть в свою жизнь, признаю ее, встречу с ней лицом к лицу, я освобожусь от страха смерти и тщетности жизни – и лишь тогда обрету свободу быть собой» [16, р. 332]. Не нужно прятаться от всепоглощающего страха перед смертью и не стоит завуалировать его иными страхами, что мастерски производит религия, подменяя страх смерти страхом последующего воздаяния в потустороннем мире. Впрочем, как доказывает Лайэлл Уотсон, «не существует фактов, подтверждающих врожденность страха смерти либо его развитие в качестве обязательной составляющей поведения, связанного с умиранием. Наоборот, в тех культурах, где к смерти относятся спокойно, рассматривая как часть процесса жизни, страха смерти нет» [12, с. 254].

Уместным, по-моему, будет привести мнение С. А. Поварницына о тех факторах, которые влияли и влияют на страх смерти: 1) природный страх смерти – как базовый для всех существ; 2) индивидуализация – восприятие себя не как части единого целого способствует усилению страха окончания собственного существования; 3) привязанность к близким – смерть как потеря; 4) «медиализация» – стыд смерти и данная медициной иллюзия власти над смертью, что вызывает фрустрацию; 5) планы на будущее – смерть как помеха их осуществлению; 6) смерть и насилие – спад насилия в обществе, связанный с повышением ценности жизни и безопасности [9].

Стоит отметить немаловажный факт: к моменту публикации своей монографии о смерти (1966) Янкелевич, конечно, не мог знать об исследовании проблемы смерти и умирания у современного неверующего человека американским психологом Э. Кюблер-Росс, результаты которого она обобщила в книге «О смерти и умирании» (1969). Опыт наблюдения за реакцией больных после оглашения им смертельного диагноза позволил ей выделить пять стадий изменения отношения человека к собственной смерти [6]: отрицание и изоляция, гнев, торг, депрессия и смирение. Л. Уотсон эти же стадии обнаруживает и в ходе человеческой истории: «Возможно кому-то это покажется натяжкой, однако мы считаем, что в ходе истории наше отношение к смерти повторяло последовательность стадий умирания» [12, с. 254]. Продолжительное умирание может дать время умирающему принять неизбежное. Тем более что зачастую достижения современной медицины состоят не в том, что она возвращает здоровье, а в том, что она просто удлинит срок умирания. Современные психологи используют данную теорию пяти стадий не только относительно смерти, но и других травмирующих событий.

Добавим от себя, что, как показал собственный опыт ухода за умирающими больными, не только длительность периода умирания влияет на его отношение к последней черте, но и сама болезнь, физически и психически меняя человека, делает его безразличным как к «заботам мира сего», так заодно и к грядущему уходу из жизни. Болезнь, точно милосердный убийца, вместе с ядом подносит и обезболивающее. И это очень хороший исход. Куда хуже, когда болезнь заставляет человека мечтать о смерти как об избавлении от невыносимых мук. Странно, что Янкелевич, уделяя так много внимания мукам отчаянья смертника от неотвратимо убывающего перед его взором времени, в своем исследовании пренебрегает этой «каждой смерти» (которую не стоит приравнять к «Влечению к смерти» З. Фрейда). Даже в рассмотрении эвтаназии он делает акцент на действиях/бездействии врачей, а не на воле больного. Неудивительно, что пренебрежение В. Янкелевичем главной составляющей эвтаназии, волей больного, без которой она не может и не должна состояться, приводит его к сомнительному сравнению эвтаназии с капитуляцией или, что еще хуже, с убийством. Будто тех, кто молит о смерти – не в ожидании будущей посмертной жизни, а в уповании на прекращение (любой ценой, с любым исходом) этой, – меньше, чем тех, кто взывает, подобно Дюбари: «Еще минуточку, господин палач, еще минуточку» [4, с. 47].

Никогда столь остро не осознается исключительная неотменяемость-непоправимость смерти как у постели умершего близкого человека, единственного и неповторимого. И ничто столь интенсивно не высвечивает уникальность близкого человека, его невосполнимость и незаменимость, как его смерть. Если его потерять, то даже Бог не сможет его вернуть. Разве можно заменить любимого человека на другого, пусть и превосходящего? И близнец или клон заменой не станет. Ведь дорог именно он, а никто другой, он – единственный, а потому и дорог, вернее, наоборот, наша любовь, привязанность к нему делает его уникальным в наших

глазах. «Все, что бесценно, не может быть возмещено» [15, с. 298]. Но считается не по-христиански так сильно прикипать сердцем к кому-либо, ибо такая привязанность к бренному, пусть и исключительному, даром, что любимому, – безбожна, т.к. потеря его ввергает в отчаянье, заставляет пренебрегать иными Божьими дарами, в т.ч. одним из самых ценных – собственной жизнью.

Впрочем, смерть, по мысли В. Янкелевича, не может считаться абсолютным всеуничтожающим нигилизатором. И. И. Блауберг поясняет его мысль: «Смерть кладет конец жизни человека, но бессильна перед тем фактом, что он жил, существовал. Так, погибший в лагере смерти ребенок, чье имя нам неизвестно, все же является, по убеждению философа, “вечным моментом истории”, “нерушимым прошлым человеческой темпоральности”. <...> Пусть его жизнь в сравнении с вечностью была мгновением, но это мгновение невозможно упразднить. Оно каким-то образом изменило мир, и его последствия неотменимы» [2, с. 59].

Такой подход исключает забвение: даже смерть бессильна нивелировать прошлое, каким бы оно ни было. И в этом – источник как для угрызений совести, так и для отрады.

Смерть по ту сторону смерти. Три основные точки зрения на соотношение жизни и смерти

Анализ монографии В. Янкелевича демонстрирует нам, что автор не только и не столько размышляет о смерти как таковой, сколько о смерти в соотношении с жизнью.

Вообще, по его мнению, существуют три основные точки зрения на соотношение жизни и смерти:

1. Постоянство жизни.
2. Непреходящий характер сущности.
3. Личностное бессмертие.

Первые две точки зрения служат, скорее, утешением, тогда как третья – скорее, упование.

1. Первая точка зрения характеризует космологический пантеизм, согласно которому смерть кладет конец лишь индивидуальному существованию, но общая витальность, пронизывающее бытие, сохраняет свое постоянство. Природа не терпит пустоты: на смену умершим приходят их потомки, взамен исчезнувших с лица земли видов животных и растений – их конкуренты. Трупы, разлагаясь, питают другие существа. «Смерть вытесняет жизнь, жизнь компенсирует смерть – вот что обеспечивает преемственность, двигает вперед становление и рождает событие» [15, с. 374].

Смерть предстает в роли некоей руки, которая сметает карты со стола, чтобы жизнь имела возможность составить из этих же карт-элементов новый пасьянс, новую комбинацию живого. Но как бы ни была важна вечность всеобщей жизни, она, как пишет Янкелевич, «не делает более понятным и приемлемым возмутительное жертвоприношение бесценной и незаменимой человеческой личности» [Там же, с. 424]. Панвитализм пренебрегает несравнимостью «хапакса» самости: люди – *взаимозаменяемые* объекты, функции. Такой подход мы наблюдаем в обезличенности бездушной статистики подсчета умерших/рожденных.

Анонимное бессмертие жизни не имеет никакого отношения к чьей-либо самости. Например, в Японии «существовало верование, что человек продолжает жить в своих потомках и окончательно умирает лишь со смертью последнего из своего рода» [10]. Но не все люди готовы удовлетвориться мыслью о такой перспективе, предлагаемой панвитализмом.

В этой связи поднимается проблема возможности личного бессмертия. Янкелевич выделяет две основные позиции, вторая из которых подразделяется, в свою очередь, еще на две:

1) рациональный и воинствующий активизм, проистекающий из «упованной» позиции и подразумевающий достижение бессмертия в этой жизни, т.е. отсутствия смерти;

2) иррациональный квиетизм, проистекающий из «желательной» позиции;

2а) бессмертие в загробной жизни – соответствует раннее упомянутой (и рассматриваемой далее) точке зрения личностного бессмертия (сверхжизни);

2б) бессмертие, достигаемое через череду последующих возрождений, что соответствует философии палингенеза, которую Янкелевич критикует за наличие в ней неразрешимой дилеммы: либо «особого рода продление соединяет между собой ряд последовательных существований» [15, с. 330], но тогда смерть не является смертью, а само возрождение является трюкачеством, либо «второе рождение на самом деле оказывается абсолютно первым и так называемый “воскресший”... – уже совершенно новый человек» [Там же]: не он сам, а кто другой. Либо нет смерти как таковой (а значит, и истинного возрождения), либо нет целостной самости.

Что же касается первой позиции («воинствующего активизма»), то она кажется фантастической: ведь смерть нужна, чтобы уравновесить рождения и освободить жизненное пространство для новых поколений. Это особенно важно в условиях ограниченности ресурсов. Экспансия на другие планеты – вот выход, предлагаемый космистом Н. Ф. Федоровым для устранения неминуемой конкуренции между бессмертными (и телесно воскрешенными) людьми [13].

«Современный французский эколог Альбер Жакар... отмечает, что смерть – относительно недавнее изобретение природы, появившееся как следствие борьбы против... смерти: “Получается парадокс: рожая детей, мы стремимся бороться со смертью, а ведь потому, что мы рожаем детей, мы неизбежно смертны”» [7, с. 90]. Ему вторит и биолог Л. Уотсон, согласно которому «смерть – вот цена, которую мы уплатили за половые различия. Взамен утраченного бессмертия организм обрел индивидуальность. Не просто временные фазы в бесконечном процессе, а отдельные существа со своими особыми чертами» [12, с. 225]. Недаром, как показывает анализ мифологий первобытных людей, жизнь представлялась им первичной. «Симметрия жизни и смерти возникла не сразу: перволюди – причем все, а не только те, кто во второй своей ипостаси пребывал в качестве божества, – жили себе не тужили в счастливом незнании, принимая свое богатырское здоровье и перспективу

бесконечной жизни как данность. Бессмертие по большей части давалось им без особых усилий» [8, с. 12]. Смерть же стала нарушением первоначального порядка вещей.

Рождение новых существ подразумевает необходимость смерти прежних поколений. Это так. Но это же означает, что смерть становится ненужной, если отказаться от рождений (в том случае, если не состоится, вопреки надеждам космистов, освоение Вселенной). Развитие и приспособляемость к изменяющимся условиям можно продумать и без смены поколений. Довод У. Эко против этого представления, заключающийся в том, что ему как бессмертному старцу было бы весьма скучно в тысячный раз перечитывать Гомера, – не является основательным: не только Гомер сочинял произведения, достойные перечитывания, да и бессмертные старцы могут заниматься творчеством, чтобы всегда были наготове новинки, интересные другим. Впрочем, вряд ли какие-либо новинки могли бы по-настоящему развлечь пресыщенных своих бессмертным существованием людей. Смерть нужна для того, чтобы жизнь оставалась интересной, – полагает представитель моральной философии XX в. Б. Уильямс [11]. С этим согласен и В. Янкелевич: «...бессмертие скорее невообразимо, чем непостижимо, скорее невыносимо, чем немислимо» [15, с. 157].

2. Вторая точка зрения исходит из противопоставления смертности смертных и бессмертия вневременных (независящих от конкретики времени и пространства) истин, относящихся к сфере умопостигаемого сверхчувственного бытия. Несмотря на то, что «вечностный и идеальный характер мысли... грубо оскверняется смертью мыслителя» [Там же, с. 399], человек, помня, что у идей меньше шансов кануть в Лету, стремится с их помощью оставить хотя бы частичку себя в этом мире и сберечь ее от жадного зева нигилизации. Хотя в этом не все видят утешение. Немало найдется тех, кто, подобно Вуди Аллену, готов заявить: «Я не хочу увековечить себя в своей работе. Я хочу стать бессмертным, не умирая» [Цит. по: 5, с. 197]. При этом и сами мысли и идеи недоступны для восприятия вне материально-чувственной формы их носителей, которые подвержены порче. Впрочем, смерть неприложима к культурным артефактам, так же, как к природным явлениям: не умирает то, что не живо.

Можно ли сказать, что сознание проигрывает спор смерти, ведь оно исчезает со смертью мыслителя? Янкелевич доказывает, что любой ответ здесь, так же, как ответ относительно спора любви и смерти и свободы и смерти, будет неверным, т.к., учитывая, что «каждое из этих бинарных понятий одновременно и слабее, и сильнее другого» [15, с. 419], исход спора становится неоднозначным и двусмысленным.

3. Третья точка зрения отвечает представлению о загробном мире (сверхжизни) и обосновывается концепцией дуализма тела и души, концепцией, исходящей из принципа сохранения: если неодушевленное тело (труп) не исчезает после смерти, то что мешает бестелесной душе продолжать свое посмертное существование? При жизни человека симбиоз тела и души совсем не очевиден, сон, обмороки – мало показательны, и только смерть наглядно демонстрирует дуализм человека. Душа предстает как разница между живым телом и трупом. Смерть освобождает душу от телесной оболочки, обнаруживая случайность этого пленения. Благодаря смерти бытие освобождается от становления, душа как носитель самости человека очищается от греховного симбиоза с телом. Последовательное продолжение данного представления приводит к известной со времен Платона идеи инверсии: «Если тело – гробница, то смерть – колыбель» [Там же, с. 382].

Однако физический принцип сохранения, применимый лишь к материальным явлениям, оказывается сомнительным в роли спасителя концепции сверхжизни как места пребывания душ умерших. «Сама душа, не в обиду субстанциализму будет сказано, есть нечто противоположное “вещи”, поэтому принцип сохранения, который используют для обоснования сверхжизни без тела, со своей ролью совершенно не справляется» [Там же]. В данном случае мы можем видеть повторение доводов Н. А. Бердяева, который считал, что «вопрос о бессмертии души принадлежит совершенно устаревшей метафизике, [т.к.] идея бессмертия основывалась при помощи натуралистической метафизики, признания души субстанцией» [1, с. 360]. Попытка приложить этот принцип сохранения для объяснения сверхъестественного и непостижимого оборачивается вырождением спиритуализма в спиритизм и даже в наивный анимизм.

«На самом деле не принцип сохранения, а принцип непрерывности делает недоступным нашему пониманию наше собственное исчезновение» [15, с. 388]. Случайный характер этого исчезновения, возможность (дарованная ли судьбой или нашими собственными усилиями) отсрочек и оттяжек, дающих иллюзию бессмертия, – усиливают ощущение абсурдности нигилизации. Ведь даже вполне ожидаемая смерть умирающего больного или глубокого старика вызывает оторопь: «...как же он умер, если только что жил?». Оказывается, на самом деле, мы совсем не ожидали того, что ожидали. «Так бесповоротность начавшегося существования, которое не должно бы никогда кончиться, сталкивается с абсурдной неотменяемостью нигилизации» [Там же, с. 393].

Забавным представляется способ, который для себя придумал У. Эко с целью примириться с фактом прерывания нашей «само-собой-разумеющейся» непрерывности, фактом тем более возмутительным и обидным, что мир будет спокойно и весело продолжать существовать и без нашего присутствия. Чтобы справиться с такой невыносимой мыслью, У. Эко предлагает «убедить себя, что из шести миллиардов человеческих особей ровно шесть миллиардов – бестолочи... Разве не радость, не счастье, не чистое удовлетворение – двинуть подальше из этого заповедника слабоумных?» [14, с. 577]. «...Поначалу полагается думать, что все прочие значительно умнее, а потом надо эволюционировать, и годам к сорока проникаться сомнением, а к 50-60 вырабатывать тотальный скепсис и бодро достигать уверенности приблизительно к столетнему юбилею, приуготовливаясь подвести черту, когда прозвучит финальный свисток» [Там же]. Данный способ У. Эко предложил, будучи больным раком, от которого и умер в 2016 году, так что эта шутка могла быть для него не только шуткой.

Как показал нам наш собственный опыт: именно смерть родных взрывает это глубоко укоренное чувство собственного бессмертия и дает осознание, что, даруя жизнь, родители даруют нам смерть.

Заключение

Можно заметить, что для Янкелевича все три точки зрения на соотношение жизни и смерти, проанализированные им, не дают окончательного ответа. Он подчеркивает, что если непостижимо уничтожение человека, то его бессмертие столь же непостижимо. Как непостижимо, что смерть есть, так и непостижимо было бы, если бы её не было.

Смерть как полная нигилизация представляется ему абсурдом, но и загробная жизнь, по его мнению, – не более чем химера, отражение нашего упования на непрерывность нашего существования. Но одинаковая абсурдность обоих решений – полного небытия и личностного бессмертия – не означает их лживости. Как пишет Янкелевич, «как одна, так и другая оппозиция одновременно и истинны, и ложны; мы должны сразу утверждать “Ни та, ни другая” и “Та и другая”» [15, с. 420]. Оба абсурда сходятся в антиномическом единстве иррациональной тайны. Смерть является парадоксальной и проблематичной тайной, и не стоит сводить ее к секрету, который доступен для расшифровки проницательному уму.

«Очень простая и очевидная вещь – о смерти человеку знать не дано, и эта простая и самоочевидная истина нарушается постоянно; и не важно от какого имени она нарушается – от имени науки или от имени религии. <...> И наука перестает быть наукой, если претендует на полное понимание феномена смерти, её законов, сущности, происхождения, назначения, и религия перестает быть религией, если нарушает тайную и священную обитель смерти от торопливых и суетливых попыток смертных проникнуть в то, что им от века не позволено. Философия должна сохранять свой статус кво и стоять на страже сохранения тайны смерти» [3, с. 118].

В. Янкелевич оставляет этот вопрос о смертности (окончательной, полной) и бессмертии открытым. Вернее, завершает его вопросом и многоточием. Так, как, по нашему мнению, и следует завершать любое размышление о смерти.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Опыт парадоксальной этики / сост. и вступ. ст. В. Н. Калужного. М.: АСТ; Фолио, 2003. 704 с.
2. Блауберг И. И. Владимир Янкелевич и его философия времени // Философские науки. 2015. № 9. С. 49-63.
3. Варава В. В. Философская танатология или апофатическая философия? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2013. № 2 (145). Вып. 23. С. 112-118.
4. Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1873 // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15-ти т. СПб.: Наука, 1994. Т. 12. С. 5-161.
5. Каткарт Т., Клейн Д. Хайдеггер и гиппопотам входят в райские врата. Жизнь, смерть и жизнь после смерти через призму философии и шутки / пер. с англ. А. Яковлевой, Р. Пискотинной. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 252 с.
6. Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании / пер. с англ. К. Семенов, В. Трилис. М. – К.: София, 2001. 316 с.
7. Лаврин А. П. Хроники Харона. Энциклопедия смерти. М.: Московский рабочий, 1993. 511 с.
8. Петров В. Древняя история смерти. М.: Ломоносовъ, 2012. 224 с.
9. Поварницын С. А. О причинах эволюции восприятия смерти [Электронный ресурс] // Credo new. 2009. № 2. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/2-2009/3934-o-prichinakh-jevoljucii-vosprijatija.html (дата обращения: 11.12.2019).
10. Соколова Ю. С. Экзистенциально-философские аспекты права на смерть [Электронный ресурс]: магистерская диссертация. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/28641> (дата обращения: 11.12.2019).
11. Уильямс Б. Случай Макропулос: размышления о скуке бессмертия // Проблема человека в западной философии / сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 420-442.
12. Уотсон Л. Ошибка Ромео // Жизнь земная и последующая: сборник / сост. П. С. Гуревич, С. Я. Левит; пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. С. 212-375.
13. Федоров Н. Ф. Философия общего дела. М.: Эксмо, 2008. 750 с.
14. Эко У. О плюсах и минусах смерти // Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / пер. с итал. Е. Костюкович. М.: Эксмо, 2007. С. 573-584.
15. Янкелевич В. Смерть / пер. с фр. Е. А. Адриянова, В. П. Большаков, Г. В. Волкова, Н. В. Кислова. М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 1999. 448 с.
16. Jankélévitch V. Le Je-ne-sais-quoi et le presque-rien. P.: PUF, 1957. 216 p.
17. Lavine T. Z. From Socrates to Sartre: The Philosophic Quest. N. Y.: Bantam, 1985. 448 p.

Conception of Death in V. Jankélévitch's Philosophy

Gilyazova Ol'ga Sergeevna, Ph. D. in Philosophy
Zamoshchanskaya Anna Nikolaevna

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg
Olga_gilyazova@mail.ru; ankolobaeva1@gmail.com

The article is devoted to studying conceptions of death by the famous French philosopher V. Jankélévitch formulated in his monograph of the same name. Within the framework of the article, the researchers' attention is focused on two stages of death – “moment of death” and “after death”. Such problems as correlation of life and death, fear of death, preparation for death and possibility of human immortality are examined. The authors emphasize V. Jankélévitch's restrained approach: he avoids a decisive answer refusing to choose between absolute nonexistence (scientific approach) and immortality (religious approach); therefore, the problem of death remains open.

Key words and phrases: V. Jankélévitch; death; time; fear of death; immortality; trans-humanism; the other world.